

власти центрального правительства. Дантон говорил о «вооруженном народе» и грозил роялистам. Нужно, говорил он, «чтобы каждый день один аристократ, один негодяй платил своей головой за свои преступления». Руководясь той же мыслью. Якобинский клуб потребовал, чтобы жирондисты, заарестованные 2 июня, были отданы под революционный суд. Эбер проповедовал необходимость повсеместных казней, для чего гильотину следовало возить из города в город и из деревни в деревню. В ответ на эти предложения Конвент решил усилить революционный трибунал: обыски разрешено было делать и по ночам.

Подготавливая таким образом террор, Комитеты вместе с тем принимали меры, чтобы ослабить Парижскую коммуну и народовластие вообще. Так как революционные комитеты, в руки которых перешли (от секций) судебная полиция и дело арестов, обвинялись в разных злоупотреблениях, то Шометт получил от Конвента разрешение Коммуне произвести очистку комитетов от ненадежных элементов и взять их под надзор Коммуны. Но 12 дней спустя, т. е. 17 сентября 1793 г., это право было уже отнято у Коммуны и революционные комитеты были подчинены Комитету общественной безопасности - этой темной полицейской силе, выраставшей возле Комитета общественного спасения и грозившей поглотить его.

Что касается до секций, то под тем предлогом, что они давали овладеть собой контрреволюционерам, Конвент ограничил 9 сентября число их общих собраний двумя в неделю; и, чтобы позолотить пилюлю, он назначил 40 су (два франка) за каждое заседание тем санкюлотам, которые жили трудом своих рук и присутствовали на заседаниях. Эту меру часто представляли, как меру революционного характера; но парижские секции, очевидно, отнеслись к ней иначе. Некоторые из них (Общественного договора, Хлебного рынка, Прав человека) под влиянием Варле отказались от платы и порицали основную ее мысль; другие же, как показал Эрнест Мелье, воспользовались ею лишь весьма умеренно.

Наконец, 19 сентября Конвент увеличил число своих устрашающих мер, прибавив к ним еще один закон - о «подозреваемых». В силу его можно было арестовать всех бывших дворян, всех тех, кто выкажет себя «сторонником тирании и федерализма», всех тех, кто «не выполняет своих гражданских обязанностей», всех тех, наконец, кто постоянно не выказывал своей привязанности революции! Луи Блан и другие государственники с увлечением говорят об этой мере «величественно-грозной политики», тогда как на деле она выражала только бессилие Конвента, его неспособность идти дальше по дороге, открытой перед ним революцией. Она была также подготовлением того ужасного переполнения тюрем, которое привело к «потоплениям» Каррье в Нанте, к массовым расстрелам Колло д'Эрбуа в Лионе и к массовым казням в июне и июле 1794 г. в Париже - всего, что ускорило падение монтаньяров.

Но по мере того как эта страшная правительственная сила сосредоточивалась в Париже, между различными политическими партиями неизбежно должна была завязаться жестокая борьба, чтобы решить, кому достанется новое орудие власти. Так оно и было: 25 сентября в Конвенте произошла всеобщая свалка между всеми партиями, после чего победа выпала, как и следовало ожидать, на долю блаженной буржуазно-революционной середины, т. е. на долю якобинцев и Робеспьера. Под их влиянием состоялись назначения в Революционный трибунал.

Неделю спустя, 3 октября, новая власть уже дала себя почувствовать. В этот день Амар, член Комитета общественной безопасности, вынужден был после долгих колебаний внести в Комитет доклад, предающий революционному суду жирондистов, изгнанных из Конвента во время восстания 2 июня. Он долго отделялся под разными предлогами от необходимости представить этот доклад; но теперь то ли из страха самому подпасть под обвинение, то ли из других каких-нибудь соображений он потребовал, чтобы перед судом предстали, кроме 31 жирондиста, которых он обвинял, еще 73 других жирондистских члена Конвента, которые протестовали против ареста их товарищей и нарушения этим конституции, но продолжали заседать в Конвенте. Против этого предложения, к удивлению всех, восстал, однако, Робеспьер. Нечего, говорил он, обрушиваться на солдат партии; достаточно поразить ее вождей. Поддержанный одновременно правыми и якобинцами, он добился своего и тем самым выступил в облике умеряющей силы, способной стать выше Конвента и его обоих комитетов.

Прошло несколько дней, и близкий друг Робеспьера, Сен-Жюст, прочел уже перед Конвентом доклад, где, нажаловавшись на подкуп, на тиранию и на вновь создавшуюся бюрократию и уже бросая инсинуации против Парижской коммуны, т. е. «крайних», Шометта и его товарищей, он требовал удержания «революционного правительства, вплоть до заключения мира».

Конвент принял его заключения. Центральное революционное правительство было утверждено.

Покуда вся эта борьба за власть шла в Париже, положение на театре войны представлялось в